

Г. Н. ЯКОВЛЕВА
Республика Беларусь, г. Витебск

САЛОНЫ И САЛОННАЯ ЖИЗНЬ: САМОРЕАЛИЗАЦИЯ ЖЕНЩИН И МУЖЧИН ВО ФРАНЦИИ XVII в.

Одна из характерных черт современной истории – ее многомерность и интерес к человеку. Признание недостаточности изучения только макроуровневых структур (народ, государство, капитализм, производительные силы и производственные отношения и т.д.) для постижения истории привело к появлению исторических школ, изучающих прошлое с микроуровня, с позиций индивидуального опыта. Активно анализируются социальные микроструктуры, маленькие сообщества, объектом интереса стала семья, мужчины, женщины, ребенок. Как считает английская исследовательница М. Рубин, идет движение «от структур и систем к людям и местам» и главным становится «культура, культура и еще раз культура» [2, 150].

Женские салоны XVI–XVII вв. во Франции – пример маленького сообщества, изучая которое можно говорить о поисках самореализации людей того времени, о роли мужского и женского, о приватном, перерастающем в общественное. Франция в это время переживала сложнейшие и интереснейшие годы своей истории – эпоху Ренессанса и катаклизмы Реформации.

В эпоху Ренессанса французский двор и придворная жизнь стали явлением новой культуры: короли были меценатами, двор – центром искусства и литературы. Деятели культуры были примечаемы королевской властью. А женщины влияли как на литературу, моду и этикет, так и на политику, используя для этого чаще всего силу своей наружной, внешней красоты. В XVII в. дамы уже больше влияли на окружающих силой ума [1, 250], и сфера их влияния расширяется и выходит за стены королевского двора. Появляются многочисленные салоны, хозяйками которых были женщины, отличавшиеся образованностью, вкусом, тактом. Они были способны вызывать постоянный интерес и уважение к себе, выступать в роли ценительниц литературного творчества, меценаток по отношению к писателям и поэтам.

В истории остались имена маркизы де Рамбуйе, виконтессы д’Ожи, госпожи де Шуази, мадемуазель де Скюдери, госпожи де Лож и др. С одной стороны, они нашли блестящий способ самореализации и самовозвышения, а их салоны стали центрами притяжения интеллектуальной элиты Франции XVII в., с другой, по мнению Эмиля Маня, «сумели восстановить в общественном мнении уважение к писателям и образной литературе, выполнив тем самым большую и важную задачу» [4, 275].

Литераторы во Франции в начале XVII в. пользовались в обществе намного меньшим уважением, чем гуманисты при дворе королей Валуа [3, 319]. Обстановка почти сорокалетней войны, вызвавшая острейший религиозный и социально-политический кризис в жизни французского общества, не способствовала расцвету искусств и литературы. Здания гнили, а не строились, скульптуры уничтожались, а не создавались, все литературные силы ушли на ожесточенную политическую и религиозную полемику. Упала ценность не только творчества, но и самой человеческой жизни. Принудительная веротерпимость, огрубление нравов, ожесточение общества – все это было совсем не похоже на галантные нравы эпохи Франциска I.

Да и Людовик XIII не был покровителем литераторов, любителем изящных искусств и шумных дворцовых увеселений. Охотник, слесарь, огородник, повар и, будучи влюбленным, плохой сочинитель музыкальных пьес, Людовик не поддержал Корнеля и

Малерба, а после смерти Ришелье вычеркнул из списков получавших пенсию членов Академии, созданной при поддержке кардинала [1, 213].

Как подчеркивал Р. Ю. Виппер, уставшее от политики дворянство и высшие слои буржуазии в эпоху Ришелье и Мазарини уходят в личную интимную жизнь, составляют небольшие кружки, салоны, где отдаются литературным беседам, упражняются в стихотворстве, состязаются в островах, уходя, таким образом, от контролирующей руки государства.

В свете вышесказанного становится более понятной и роль салонов и положения в них хозяек. Продолжая традиции доблестной Кристины Пизанской, женщины продолжали устную и письменную пропаганду с требованиями: «...пусть женщинам предоставят свободу выбора спутника жизни в соответствии с их сердечными порывами; пусть их уравниют в правах и обязанностях с мужчинами; пусть, наконец, – и за это ратовали особенно – обязательное материнство станет материнством добровольным, сознательным» [4, 178]. Не добившись уступок в эпоху Людовика XIII, «смешные жеманницы», при поддержке Мольера, пойдут в новую атаку, но только в середине столетия.

Тонкому и деликатному искусству – умению общаться с людьми – женщин обучали с юных лет. Поэтому светские дамы владели навыками и обязанностями хозяйки дома, принимавшей гостей. Но знаменем времен было то, что у достаточно широкого круга французских дворянок начала XVII в. появились интеллектуальные интересы. Они и сами стали увлекаться искусством слова и стали все чаще приглашать в свои салоны интересных (и нужных) людей. Однако порой форма, в которой проявлялись духовные и интеллектуальные запросы дам, выглядела манерно-вычурной и иногда даже смешной. Стремясь поразить окружающих своей эрудицией, светские дамы стали употреблять затемнявшие смысл слова, «прециозный» язык, обсуждать проблемы брака и семьи, выявлять категории любви. Искали удовольствия не только для сердца, но и для ума: читали стихи, сочиняли загадки и метафоры, обменивались новостями, посещали балет и театральные представления. Появился вкус к изящной словесности.

Не все салоны были равнозначны по уровню интеллектуальности. Отличались друг от друга и дамы, их содержащие. Но очевидно, что в той или иной степени они способствовали повышению социального статуса литераторов, укреплению роли женщины в обществе, вселяли вкус к благородным чувствам и хорошим манерам [4, 277].

1. Биркин К. Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий. Кн. 2. М., 1992.

2. Вопросы истории. 2003. № 12.

3. Кнехт Р. Дж. Ришелье / Пер. с англ. и вступ. ст. А. Егорова. Ростов н / Д, 1997.

4. Мань Э. Повседневная жизнь в эпоху Людовика XIII / Пер. с фр. А. С. Васильковой. СПб., 2002.